

Содержание

ОТ АВТОРА	13
НЕСВЯТАЯ ФРИНА	
<i>Фрина / Пракситель, Апеллес</i>	15
ОДНО ЛИЦО	
<i>Симонетта Веспуччи / Боттичелли</i>	29
БУЛОЧНИЦА	
<i>Маргарита Лути — Форнарина / Рафаэль</i>	57
«КОГДА БЫ НЕ ЕЛЕНА...»	
<i>Изабелла Брант, Елена Фоурмен / Рубенс</i>	81
СВЕТ И ТЕНИ	
<i>Саския ван Эйленбюрг, Хендрикье Стоффельс / Рембрандт</i>	112
ЖАРКИЙ ИЮЛЬ КАРЛА ВЕЛИКОГО	
<i>Юлия Самойлова / Брюллов</i>	140
МОГИЛА ОФЕЛИИ	
<i>Лиззи Сиддал / Прерафаэлиты: Россетти, Хант, Милле</i>	173

РАЗГАДАТЬ ВИКТОРИНУ	
<i>Викторина Мёран / Эдуард Мане</i>	200
МАМА МАРИЯ	
<i>Сюзанна Валадон и её сын Морис Утрилло</i>	243
ЖИЗНЬ ПО МОДИ	
<i>Жанна Эбютерн / Модильяни</i>	267
ЛИНИЯ ЛИДИИ	
<i>Лидия Делекторская / Матисс</i>	281
СЕМЕРО СМЕЛЫХ	
<i>Ольга Хохлова и другие / Пикассо</i>	296
КОЛЛЕКЦИЯ	
<i>Мизиа Серт / Тулуз-Лотрек, Боннар, Ренуар и другие</i>	344
ГОРОД НА ДВОИХ	
<i>Белла Розенфельд / Марк Шагал</i>	387
ГАЛА-КОНЦЕРТ	
<i>Елена Дьяконова / Дали</i>	435
ЗОЛОТАЯ ЖЕНЩИНА	
<i>Эмилия Флёге, Адель Блох-Бауэр / Климт</i>	468
БАРЫНЯ-КРЕСТЬЯНКА	
<i>Мария Тенишева / Репин, Серов, Врубель</i>	489
С НАДЕЖДой	
<i>Надежда Забела / Врубель</i>	537

Благодарности	568
Библиография	569
Произведения искусства, воспроизведённые во вклейке иллюстраций, и места их хранения	572

Светлой памяти моего дорогого друга —
художника Виталия Воловича

Кем они были в жизни —
величественные Венеры?
Надменные Афродиты —
кем в жизни
были они?..
Раскачиваясь,
размахиваясь,
колокола
звенели.
Над городскими воротами
бессонно горели огни.
Натурщицы приходили
в нетопленные каморки.
Натурщицы приходили —
застенчивы и чисты.
И превращалась одежда
в холодный
ничей комочек.
И в комнате
становилось теплее
от наготы...
Колокола звенели:
«Всё в этом мире
тленно!..»
Требовали:
«Не кощунствуй!..
Одумайся!..
Отрекись!..»
Но целую армию
красок
художник
гнал
в наступленье!
И по холсту,
как по бубну, грозно стучала
кисть.

Удар!
И рыхлый монашек
оглядывается в смятенье.
Удар!
И врывается паника
в святейшее торжество.
Стёкла дрожат в соборе...
Удар!
И это смертельно
для господина Бога
и родственников его...
Колокола звенели.
Сухо
мороз
пощёлкивал.
На башне,
вздыбленной в небо,
стражник седой
дрожал...
И хохотал
художник!
И раздавал пощёчины
ханжам,
живущим напротив,
и всем грядущим ханжам!
Среди откровенного холода
краски
цвели на грунте.
Дул
торжественный ветер
в окна,
как в паруса.
На тёмном холсте,
как на дереве,
зрели
тёплые груди.

Мягко светились
бёдра.
Посмеивались
глаза.
И раздвигалась комната.
И исчезали
подрамники.
Величественная Афродита
в небрежной позе
плыла!..
А натурщицам
было холодно.
Натурщицы
тихо вздрагивали.
Натурщицы были
живыми.
И очень хотели
тепла.
Они одевались медленно.
Шли к дверям.
И упорно
в тоненькие накидки
не попадали плечом.
И долго
молились
в церкви.
И очень боялись
Бога...
А были
уже бессмертными.
И Бог здесь был
ни при чём.

Роберт Рождественский

От автора

Быть натурщицей — тяжкий труд.

Оплачивается он скудно, к тому же требует умения неподвижно стоять (сидеть, лежать) на одном месте, застыв в неудобной, а нередко и дурацкой позе.

Заняться в процессе позирования нечем. А ведь это так тяжело — остаться наедине с собственными мыслями. Ни почитать, ни музыку послушать... Сидишь в мастерской голышом и ловишь взгляды мастера, который сверяет с тобой, живой и тёплой, свой набросок.

— Руку верни на место. Не поднимай голову, я сказал! Да что с тобой сегодня?

(Что, что. Нога чешется, как будто десять комаров укусили в одно место. А почесать нельзя. В руке кувшин, шея затекла. Всё, не могу больше!)

— Не чеши ты так ногу, умоляю! Ну вот, теперь меня будет отвлекать это красное пятно!

Позировать в одежде — немногим легче. Менять положение нельзя, выражение лица — тоже, вот и думаешь о том, сколько ещё минут так сидеть и почему художник выбрал такую странную позу: голова повернута набок, а рука отведена куда-то в сторону.

Ты не человек, не личность, не женщина.

Ты — часть картины, фрагмент замысла, кусочек вечности.

Потом все умрут, их забудут — а ты будешь смотреть из рамы на потомков, загадочно улыбаться и всё так же крепко сжимать в руке этот треклятый кувшин.

Начиная позировать своему мастеру, ты ещё не знаешь, Мастер ли он. Три франка в час, или «мсье, я сделаю это бесплатно, ведь мне так нравятся ваши картины»? Будет ли твой портрет висеть в музее, или его *перекрасит* тот, кто талантливее?

Натурщица — полноправная участница как провала, так и успеха любой картины. Боттичелли без Симонетты, Рембрандт без Саскии, Модильяни без Жанны — *кем были бы в жизни они?*

Натурщицы — вечные музы и соавторы, а ещё — главные свидетели того, как рождались шедевры.

Они о многом могли бы рассказать — и о себе, и о художниках, и об искусстве... Если бы их, конечно, спросили.

Несвятая Фрина

Фрина / Пракситель, Апеллес

Первой известной истории натурщицей была знаменитая афинская гетера Фрина, модель Праксителя и Апеллеса, воплощённая в мраморе Афродита. Конечно же, у нас нет точной биографии этой выдающейся женщины, а все противоречивые сведения о ней почерпнуты из трудов античных историков, которые рассказывали не столько о Фрине, сколько о Праксителе (как Плиний Старший) или Ксенократе (как Диоген Лаэртский).

Помнящая о добродетелях

Считается, что родилась будущая натурщица в городе Феспия в семье врача Эпикла, и нарекли её многообещающе: Мнесарета, что означало «Помнящая о добродетелях». В историю Мнесарета вошла под другим именем — Фрина (в переводе — «жаба»). Почему юной гречанке дали такое обидное прозвище? Скорее всего, потому, что цвет её кожи казался

ценителям желтоватым, а может, и для того, чтобы не сглазить красоту, не вызвать зависти богов.

Лицо Фрины было столь прекрасным, а тело — таким совершенным, что сравниться с ним не могла даже самая безупречная статуя. Последнее, впрочем, проверить затруднительно, потому что до той поры греческие ваятели изображали женщин исключительно в одежде, а вот мужчин, напротив, обнажёнными. Переворот в традиции совершил Пракситель — и сделал он это, как считается, именно благодаря Фрине.

Великий скульптор Античности и его модель встречались в Афинах, куда Фрина перебралась из родной Феспии. Гадать, почему она это сделала, мы можем сколько угодно, но, скорее всего, ларчик открывался просто. Во все времена красивые девушки приезжали искать счастья в большие города, вот и наша Мнесарета не стала исключением. Шансов состояться как личности у античных женщин имелось немного: можно было выйти замуж или стать гетерой. Древние греки относились к женщинам с подчеркнутым презрением, и вся античная культура была прежде всего мужской культурой, где воспевались красота, ум, доблесть мужчины. «Женщина есть существо низшее» — так говорил Аристотель. Тем не менее обходиться без женщин — гетер или жён — не могли даже древние греки.

Гетеры — это отнюдь не античные проститутки, как думают некоторые. Их задача — как у японских гейш — услаждать взгляд мужчины, вести с ним изысканные беседы, развлекать игрой на музыкальных инструментах. Прочее — как пойдёт. Гетерам в Афинах позволялось намного больше, чем замужним

женщинам: они броско одевались, пользовались косметикой, на равных беседовали с мужчинами и позволяли себе экстравагантные поступки. Если кавалер по-настоящему нравился гетере, он имел шанс стать её покровителем — поэтому второй подходящей исторический синоним для *гетеры* это *куртизанка*.

Среди выдающихся гетер, помимо Фрины, часто называют имена Аспасии и Та́ис Афинской. Аспасия была возлюбленной Перикла, женщиной умной настолько, что сам Сократ любил её послушать. Таис, известная в российских дореволюционных переводах под именем Фаида, находилась в близких отношениях с Александром Македонским. В год смерти Фрины она сожгла Персéполь, отмстив таким образом за пожар в Акрополе во время греко-персидских войн. Этот эпизод вдохновил британского художника Джошуа Рейнольдса на создание весьма эмоционального полотна «Таис поджигает Персеполь» (1781). Отметились в истории и другие гетеры, блиставшие познаниями в математике, риторике, философии, славившиеся артистическими способностями, сильным характером и, конечно же, очарованием.

Имя Мнесарета, как мы уже сказали, означает «Помнящая о добродетелях». Для гетеры это было слишком нравоучительно и профессии не соответствовало, поэтому *Мнесарета* навсегда осталась в прошлом. Но перемена имени часто влечёт за собой перемену судьбы — Фрина знала это наверняка, а вскоре об этом узнали Афины. В красавицу гетеру влюблялись художники и скульпторы, цари и полководцы, философы и поэты. Она же всегда очень внимательно относилась к собственным чувствам: если

мужчина ей не нравился, выставляла такой счёт за услуги, что многим было просто не по карману его оплатить. Если страсть не отступала, клиенту приходилось выкручиваться — например, царь Лидии, чтобы рассчитаться с Фриной, был вынужден поднять в своём государстве налоги. А вот с философом Ксенократом гетера готова была встречаться бесплатно, да только он не ответил ей взаимностью. Говорят, Фрина даже заключила пари, что сумеет соблазнить Ксенократа, но тот устоял. Разочарованная гетера сказала: «Я говорила, что разбужу чувства в человеке, а не в статуе!» И отказалась оплачивать проигрыш.

«Восстановлено Фриной»

Вскоре у Фрины появились роскошный дом, сад, рабы — всё, что соответствовало статусу богатой афинянки. Она пыталась заниматься благотворительностью — например, предложила фиванцам восстановить стены города, разрушенного Александром Македонским (пусть бы они только сделали там памятную табличку: «Разрушено Александром, восстановлено Фриной»), но жители Фив отказались от щедрого предложения гетеры.

В Афинах считалось, что Фрина стыдлива: красотой не похвастается, косметикой не пользуется, волосы прикрывает, мужчин принимает в темноте и только на празднике Посейдона радуется окружающих своей красотой. Вот как описал это действие Афиной в «Пире мудрецов»: «В самом деле, тело Фрины было особенно прекрасно там, где оно было скрыто от взгляда. Потому и нелегко было увидеть её нагой:

она носила хитон, облегающий всё тело, и не бывала в общих банях. Но на многолюдном празднестве Посидоний в Элевзине она на глазах у всей Эллады сняла одежду и, распустив волосы, вошла в море». Этот счастливый день вначале вообразил, а затем изобразил художник Генрих Ипполитович Семирадский (русский Альма-Тадема, автор утраченных росписей Храма Христа Спасителя).

«Фрина на празднике Посейдона в Элевзине» (1889) стала самой известной картиной Семирадского. Когда он только обдумывал замысел картины в 1886 году, то мечтал создать чувственное, эротическое полотно, не выходя при этом за рамки приличий. «Давно я мечтал о сюжете из жизни греков, дающем возможность вложить как можно больше классической красоты в его представление. В этом сюжете я нашёл громадный материал! Солнце, море, архитектура, женская красота и немой восторг греков при виде красивейшей женщины своего времени — восторг народа-художника, ни в чём не похожий на современный цинизм обожателей кокоток», — в таком настроении Семирадский приступал к работе над картиной, писанной, кстати говоря, в Риме.

Художник специально ездил на пленэр в греческий Элефсин, где в древности проводились знаменитые мистерии — культовые празднества, многодневные ритуалы, считавшиеся главными в античной Греции. Готовое полотно грандиозных размеров (3,90 м × 7,63 м) стало главным украшением персональной выставки Семирадского в Петербургской академии художеств в 1889 году. Полюбоваться Фриной пришло более 30 000 человек! Художник приказал затемнить зал, где экспонировалась картина,